

Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов».

С. Е. Малов.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Гуманитарных Наук
14 сентября 1928 года.)

Статья А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов» составлена исключительно по расспросным данным (1912 и 1928 гг.) от телеутов. Автор совершенно отстранил от себя существующую печатную литературу и не пользовался фольклором. Он строго ограничил себя и не касается взглядов на душу других турецких племен. Иногда было бы и не лишне во многих отношениях сделать какие-либо параллели, например, у многих турецких (и монгольских) племен имеется обряд загона души в больного или в испугавшегося человека, интересен взгляд у некоторых турков на сновидения (часть души уходит из спящего тела) и др. Но спасибо А. В. Анохину и за то, что им сделано.

Приводимые А. В. Анохиным сведения о душах *juḷa* и *sünä* несколько расходятся с имеющимися уже печатными данными. Так, здесь душа-*juḷa* приписывается живому человеку (стр. 256), но до сих пор обычно указывалось, что *juḷa* — душа умершего.¹

Душа-*sünä*, по представлениям телеутов, присуща только человеку; это — разумная душа; об этом в отношении телеутов согласны А. В. Анохин и другие авторы,² но раньше А. В. Анохин (см. Сборник МАЭ, т. IV, вып. 2, стр. 19) писал, что у алтайцев душа-*sünä* присуща человеку, животным и всему органическому миру.

¹ В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий. Казань, 1884 г., стр. 102. Ср. представления алтайцев о *juḷa*, см. в «Материалах по шаманству у алтайцев» А. В. Анохина, Сборник МАЭ, IV, вып. 2, стр. 19—20, и турецких племен Абакана в статье С. Д. Майнагашева «Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края». Живая Старина, 1915 г., стр. 278.

² В. Вербицкий. Op. cit., стр. 313. П. П. Тыдыков. Русско-алтайский словарь. Москва, 1926 г., стр. 22.

Таким образом у читателей остаются некоторые неясности в отношении этих пунктов.

В свое время, при печатании статьи А. В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев», на стр. 100 (ср. стр. 11 и 19) мною в сноске, ссылками на В. Вербицкого и В. В. Радлова, указана наличность у алтайцев и телеутов особой души-*sus*.¹ В. Вербицкий пишет,² что телеуты выражаются про помешанного человека: *kürjomes анын суузын ал-партыр*, т. е. злой дух похищает его душу; или он же пишет в своем Словаре (стр. 310—311) «душа умершего (*sizy*) бродит». Почему-то эта душа-*sus* совершенно опущена в предлагаемой теперь статье А. В. Анохина. Каково отношение души-*sus* к имеющейся здесь душе-*sür*? Будут ли это только фонетические разновидности одного и того же (ср. монг. *sür*), или эта фонетическая разность повлекла за собой и разницу в представлениях телеутов, — об этом ничего у А. В. Анохина здесь не говорится. Можно упомянуть еще, что профессор Львовского (Lwów, Pologne) университета Władysław Kotwicz в письме ко мне, от 14 марта 1925 г., писал (по поводу книги А. В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев»), что он привлек бы в группу алтайских душ еще и *ülü*;³ так ли это, — покажут будущие исследователи.

В термине *tyn-bura* (душа шамана или его сила, которая при шаманском молении приходит, а после моления уходит) нельзя ли слово *pura* (-*bura*) сопоставить с телеутским словом *pura* (жертвенное животное) и с карагасским словом *pür* (лось)?⁴ В «Материалах по шаманству у алтайцев» (стр. 61) дается рисунок животного — *pura* с рогами (на шаманском бубне), имеется это слово и в шаманских стихах, см. стр. 66, 68, 70, 102 (*pura*), где это слово не переводится и на 132 стр., где оно в русском тексте переведено (не без моей вины) через «верблюд» (ср. рога на рисунке!). Сюда же можно привлечь и то, что бубен обтягивается обычно маральей кожей, а карагасские и урянхайские шаманы поют: «я — шаман, ездящий на диком марале (изюбре)!»⁵

¹ Ср. рецензию N. Porre на статью А. В. Анохина. Материалы по шаманству у алтайцев, см. *Asia Major*, Lipsiae, 1925, vol. I, fasc. 2, p. 365. Пользуюсь случаем указать и на другую рецензию этого же труда А. В. Анохина, написанную на османском языке (см. *Türkijat medžmu'äsi*, II, 1928, стр. 518—522) 'Abdu-l-Qadyr'ом.

² В. Вербицкий. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований, под редакцией А. А. Ивановского. Москва, 1893 г., стр. 77.

³ А. В. Анохин. *Op. cit.*, Сборник МАЭ, т. IV, вып. 2, стр. 12, 79, 80 и др.; ср. Словарь В. Вербицкого, стр. 411: *ülj* (телеутское и ниже-бийское).

⁴ Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Ч. IX. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб. 1907 г., стр. 615 (текст) и 600 (пер.). Ср. якутск. *bür* олень; монг. *buir* сохатый (самка).

⁵ Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 г. СПб., 1891 г., стр. 67; В. Радлов (Н. Ф. Катанов). Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX, стр. 650—

Oimoq-arū (стр. 262) здесь является правильно как «дух огня» — и только. Н. П. Дыренкова в своей статье «Культе огня у алтайцев и телеутов», Сборник МАЭ, т. VI, стр. 64, со слов телеутов переводит слово *oimoq* через «наперсток» и высказывает предположение, что это странное название есть табуированное, так как, повидимому, называть его (т. е. дух огня) настоящим именем недопустимо. По моему здесь большое недоразумение, происшедшее от того, что *oimoq* (или *oimaq*; от одного корня *oi*, см. *oi* яма, изменность, углубление и *oi* выкопать, выдолбить, вырезать, выколоть) может иметь и имеет в телеутском (и алтайском) языках два значения: 1) ямка, углубление¹ и 2) напёрсток. Но «напёрсток» сюда не имеет никакого касательства; *oimoq* или *oimaq* здесь может значить только ямку (очага). Да и в статье Н. П. Дыренковой в телеутских текстах, подвергшихся моему просмотру и исправлению, везде это слово переводится через «очаг» и, таким образом, в этом названии (*oimaq*) нет ничего табуистичного.²

По поводу порчи и ломания вещей (нередко — новых) при похоронах (стр. 263), замечу, что я согласен с телеутами, — А. В. Анохин как-то себя противопоставляет, — что вещи эти убиваются и умерщвляются, но я не согласен с ними, что это, будто бы, делается так потому, что духам-*üzüt* правятся вещи испорченные, мертвые. Дело тут не в странной симпатии к сломанным вещам. Кладутся они с покойником не для чего другого, как именно для (обычного) употребления их в другом мире, где, по выражению бельтиров, «*tyndaŋy teskärei saŋan nemä oŋäry polar*», т. е. вещи, которые здесь имеют обратный вид (сломаны), получают (там) прямой (настоящий) вид.³

Позволю себе еще остановиться на названии духа смерти, уносящего душу умершего — *aldaŋy* (*ał* [брат] + *daŋy*). Для меня несомненно, что в этом слове (в телеутском языке) имеется очень старая глагольная (причастная) форма на -*daŋy*.⁴ Эта форма, кроме памятников рунической и уйгурской письменностей, имеется еще в памятнике команского языка, в караимских наречиях (и в туркменском языке). Как раз это слово *aldadŋy*

651, (текст), 649 (пер.); В. И. Подгорбунский. Материалы для изучения шаманских бубнов туземцев Сибири. Иркутск, 1923 г., стр. 11 и 27 (отд. оттиск из «Трудов профессоров и преподавателей Иркутского Государственного Университета», вып. 4).

¹ Ср., например, еще шорск. *kül oimaŋy* очаг; место, где разводится огонь, см. Словарь В. В. Радлова, т. I, столб. 987.

² Сборник МАЭ, т. VI, стр. 75, ср. стр. 64—65.

³ Образцы... В. В. Радлова, ч. IX, стр. 375—376 (текст) и 355 (перевод).

⁴ Dr. W. Radloff. Alttürkische Studien. V. ИАН, 1911 г., стр. 436; V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1896, p. 161 и 211; C. Brockelmann. Mahmud al-Kašgaris Darstellung des türk. Verbalbaus. Keleti Szemle, 1918—1919, t. XVIII, p. 36—38.

(ангел смерти) имеется в караимском наречии (см. Словарь В. В. Радлова, I, столб. 417), имеется еще, напр., там и *bildedži* (знахарь).¹

Таким образом, это слово *aldačy* лишней раз сближает алтайские и телеутские племена с западно-турскими (кыпчацкими) племенами.²

S. MALOV.

Bemerkungen zu dem Aufsätze von A. Anochin.

Résumé.

A. Anochin fusst bei der Abfassung seines Aufsatzes lediglich auf mündlichen Mitteilungen der Teleuten. Einige seiner Angaben stimmen nicht mit den uns bekannten Literaturzeugnissen überein, so z. B. was er über die *jula*-Seele und über die *sünä*-Seele mitteilt. Anochin schweigt ganz von der *sus*-Seele und von der *ülü*-Seele. Er führt ohne jegliche Einschränkungen die Meinung der Teleuten an, dass die dem Toten in das Grab mitgegebenen Gegenstände deswegen zerbrochen werden, weil den *üsüt*-Seelen zerbrochene Dinge gefallen. In Wirklichkeit steht die Sache anders. Wie die Beltiren aussagen, geschieht es deswegen, weil Dinge, welche hier auf Erden ein umgekehrtes Aussehen haben (d. h. zerbrochen sind), im Jenseits ihr wirkliches Aussehen erhalten (d. h. ganz werden). Das Vorkommen des Geistes des Todes *aldačy* beweist noch einmal die Verwandtschaft dieser Teleuten mit den westlichen (*kypčak*) Türkstämmen.

¹ Думаю, что напрасно В. А. Гордлевский привлекает к сравнению с этим последним словом тобольск. *bildäü*, см. его Лексика караимского перевода Библии, ДАН-В, 1928 г., стр. 88.

² Ср. В. А. Гордлевский. *Op. cit.*, стр. 90 и Бюллетень Организационной Комиссии по созыву I Всесоюзного Тюркологического Съезда, № 2. Баку, 1926 г., стр. 5.